

К Бабелю через «Врата Бога»

КНИГА

Книгу Михаила Ямпольского и Александра Жолковского «Бабель/Babel» выпустило московское издательство «Carte Blanche».

Это не биография Исаака Бабеля, а анализ важнейших сквозных мотивов (аутсайдерство, перевод-непереводимость, деньги, солнце, зрение, эротика, вуайеризм, проституция и т.д.), главным образом построенный на исследовании трех рассказов: «Справка», «Мой первый гонимый» и «Гюн де Мопассан». Первую половину книги написал Жолковский, вторую – Ямпольский. Во многом книга пионерская, хотя в главном всего лишь развивает идеи, которые за 65 лет до ученых соавторов высказал человек, в книге даже не упомянутый. Стремясь восстановить историческую справедливость, назову это имя: Семен Михайлович Буденный. 26 октября 1928 года «Правда» опубликовала его «Открытое письмо Максиму Горькому». Полемицируя со статьей Горького в «Известиях» (30 сентября 1928 г.), знаменитый конник объяснил, почему он «охалял» бабелевскую «Конармию». Исходный его тезис – Бабель плелся с обозом Первой Конной, второй тезис – Бабель рассказывает сплетни, третий – он эротоман.

«...Бабель роется в бабьем барахле, с ужасом, по-бабьи рассказывает о том, что голодный красноармеец где-то взял буханку хлеба и курицу. Выдумывает небылицы, обливая грязью лучших командиров-коммунистов, фантазирует и просто лжет. Фабула его очерков, уснащенных обильно впечатлениями эротоманствующего автора, идет от бреда сумасшедшего еврея, проходит через описание ограбления костела, сечения конницы своей пехоты, зарисовку типа красноармейца-сифилитика и оканчивается удовлетворением любознательности автора к тому, как выглядит женщина-еврейка, изнасилованная десятком махновцев. Как на жизнь автор смотрит, как на широкое поле, где гуляют в майскую солнечную пору кобылицы и жеребцы, – так и на действия Конной армии он смотрит сквозь призму чистой эротики.

Я с полным основанием могу сказать, что, кроме женских грудей, голых ног, Бабель, наблюдающий их на питательном пункте и в людской пашне Элизы, и в глухом лесу, во сне и наяву в различных сочетаниях, не видел того, что делала Конная армия». В общем, не в ту сторону смотрел. Из чего Буденный делал вывод о вреде бабелевских «художеств» в «фазисе решающих боев труда с капиталом». Можно предположить, что оценка Буденного оказала влияние: Бабеля читали, но изучать боялись.

Жолковский и Ямпольский впервые в нашей славистике (уже в «фазисе победы капитала над трудом») преодолели запрет, обрушив все внимание именно на то, о чем пронизательно писал Буденный: на «впечатления эротоманствующего автора» и «бред сумасшедшего еврея». Прочитай Буденный в свое время Мопассана и Фрейда, он и сам смог бы написать подобную книгу.

Все требования к Бабелю как художнику-реалисту (самая распространенная в XIX–XX вв. «бука русской литературы») в рецензируемой книге сняты, обет унылого и бездарного постничества отменен, писатель интересен не тем, принял или нет революцию, а тем, насколько полно и остро «перевел» образы подсознания на литературный язык. Не случайно две главы (из четырнадцати) книги посвящены ситуации перевода, в частности, перевода Мопассана на русский язык, что является сюжетом рассказа Бабеля «Гюн де Мопассан» и одновременно темой литературоведческих размышлений. Потому что под поверхностным уровнем скрыто собственное бабелевское творчество, понятое именно как перевод «дословесного» подлинника, вывод его на поверхность. А на принципы этого перевода влияет и литература как таковая (ее образы, мотивы, штампы), и индивидуальные особенности мировосприятия – талмудическая традиция или детские сексуальные впечатления («Амаркорд»), или мессианская тематика, организованная вокруг слова Babel. Последнее Бабель понимал, по всей вероятности, в его древнем смысле – «врата Бога» (иврит), что метафорически и означает «мессию». Проникновение в скрытый смысл слов и ситуаций (естественно, с опорой на Фрейда и Лакана) поддержано анализом текстов писателя, помещенных внутри литературной традиции: Мопассан (в первую очередь, «Милый друг»), «Нана» Золя, «Мелкий бес» Сологуба, «Крылья» Кузмина, «Леон Дрей» Юшкевича. Логическим итогом такого анализа становится помещенная в приложении статья Жолковского «Топос проституции в литературе». Можно говорить о неполноте привлеченного материала (нет Пиранделло, Малашклина, «Зойкиной квартиры» Булгакова), но очевидно, что перед нами ИССЛЕДОВАНИЕ ЛИТЕРАТУРЫ в точном и единственном смысле: на фоне репертуара повествовательных возможностей, во-первых, и в глубину образа, к арханческому или подсоз-

нательному первоисточнику, во-вторых. Пока этот уровень глубины не достигнут, бурение не прекращается. Пока кто-то из соавторов не докажет, например, что за сечением конницей своей пехоты (см. Буденного) не стоит кастрационный комплекс автора, успокаиваться не следует.

Эти методологические особенности, отличающие современное литературоведение, делают книгу учебником по анализу художественного текста. За методом стоит фундаментальная **нереалистическая** концепция литературы XX века, которая отказалась от принятой в веке девятнадцатом иерархии важности. «Лучший способ преодолеть реализм – довести его до крайности, например, взять лупу и рассматривать через нее жизнь в микроскопическом плане, как это делали Пруст, Рамон Гомес де ла Серна, Джойс», – писал в 1925 году в книге «Дегуманизация искусства» Ортега-и-Гассет.

Именно таков «дегуманизатор» Бабель, и именно эту его особенность идеально схватывают методы Жолковского и особенно Ямпольского. Не менее важно, что даже квазиреалистические бабелевские рассказы они не воспринимают как описательные. В итоге главным оказывается доказательство множественности интерпретаций, скрытой в самом «простом» (на поверхностный взгляд) тексте сети бесчисленных, переплетающихся между собой внутренних ходов – того, что Ролан Барт назвал «галактикой означающих»: Жолковский – Ямпольский с блеском доказали, что в Текст «можно вступить через множество входов, ни один из которых нельзя наверняка признать главным».

Авторы вошли через вход, на десятилетия загроможденный Буденным и ему подобными критиками, – вошли через «врата Бога», сразу оказавшись во в с е о б щ е м – по принципам устройства – культурном пространстве. Отсюда та легкость, с какой подбираются литературные и психоаналитические аналогии и сцепляются тексты. Бабель универсален и синтетичен как «вавилонское столпотворение», универсален настолько, что почти «равномошен» литературе в целом. Собственно, это то главное, что Жолковский и Ямпольский доказали. А доказав, сами испугались и скуксились: «Эта книга написана в каком-то смысле не тогда, не там, не о том и не так, как следует», – начинают они совместное предисловие, кокетством скрывая смущение. Куда приятней солдатская прямота предшественника: «Бабель никогда не был и не мог быть подлинным и активным бойцом 1-й Конной армии. Мне только известно, что он где-то плелся с частицей глубоких тылов, к нашему несчастью всегда отягощавших боевую жизнь 1-й Конной армии, – вернее, Бабель был «на задворках» Конармии».

Надо прямо признать: «врата Бога» всегда на задворках.

Михаил ЗОЛОТОНОСОВ